

ОСМЫСЛЕНИЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Размежевание своей и чужой веры в памятниках древнерусской письменности прослеживается в контексте сопоставления разных культурных систем и традиций. В качестве объектов сравнительного анализа выступают, с одной стороны, язычество и христианство в контексте славянской социокультурной действительности, а с другой – разные конфессиональные культуры.

Осмысление межконфессиональных различий в текстах древнерусской письменности сопровождается анализом и смысловой интерпретацией названий, именующих понятия родства и принадлежности к определенному социокультурному пространству. Например, в разговорном языке *свои* люди, то есть связанные кровным родством или социокультурным единством, обозначались словом *племя*, а все остальные назывались *иноплеменниками*. Наряду с определениями *поганые* и *иновернии*, указывавшими на религиозные различия народов, использовались сочетания *иные роды*, *иное племя*, которые отражали не столько конфессиональную разницу, сколько вообще недружественность и враждебность в отношениях. При этом в древнерусской переводной литературе для выражения культурных и конфессиональных несоответствий и оценочной характеристики разных народов употреблялись слова *варвары* (греч. *barbaros* – варвар, чужеземец) в значении иноплеменники и *поганые* (лат. *paganus* – деревенщина, язычник) [1, с.22].

В книжном стиле слово *языци* обозначало народы в целом, а понятие *язычники* указывало на принадлежность к чужим землям. Слово *страна* обозначало стороннее, чужое пространство, в то время как понятие *земля* характеризовало население своей страны. Эпитет *странный* имел значение *чужой*, *необычный* и характеризовал пришельцев, туземцев, т.е. людей, относящихся к иному социокультурному окружению [1, с.239]. Всякий, кто говорит на том же языке или, во всяком случае, понятном для славян, именовался *язычный* и отождествлялся со *своим*, а каждый посторонний и неведомый человек воспринимался как *немец*,

поскольку он не способен изъясняться и понимать по-славянски [1, с.140].

В летописных источниках, переводных богословских сочинениях, а также в оригинальных произведениях церковной письменности, прежде всего проповедях и нравственных поучениях, наряду с изложением основных положений веры и толкованием христианских догм прослеживаются элементы конфессиональной полемики, в которой абсолютизировалось православие, обличались язычество и другие вероисповедания. Характеризуя традиции, верования, нравы, обычаи семейных и брачных отношений разных славянских племенных союзов, автор «Повести временных лет» представил их как язычников, не знавших закона Божьего и определявших свой жизненный уклад неписаными установлениями, дикими и безнравственными обычаями предков.

В произведениях древнерусской письменности христианство осмысливается как абсолютная модель культурной и религиозной идентичности. Само понятие *христианин*, указывающее на конфессиональную принадлежность, обусловило название социальной категории *крестьян*, предполагавшей единство веры и моделей культурной организации. Уже в «Повести временных лет» православие превозносилось как истинная, спасительная вера, что подтверждается обращенным к славянам назидательным призывом, касающимся сохранения чистоты своей веры: Не премай же ученья от латын, их же ученье разъвращено [2, с.343].

Феодосий Печерский в «Послании к великому князю Изяславу», подробно перечисляя несоответствия между православием и католицизмом (латинской верой), истолковывал их как отступления от истинной веры. К числу таковых он отнес догматические и культовые различия, как, например, вера в исход Святого Духа от обеих ипостасей, совершение службы на опресноках, а не на квасном хлебе, прощение грехов за индульгенции, обет безбрачия католических священников, вмешательство духовенства в военную политику и др. [3, с.191]. Феодосий Печерский подчеркнул необходимость дистанцирования православных людей от латинян, поскольку их вера развращена и не оставляет шансов на спасение. Излагая наставления относительно допустимых в православии коммуникативных моделей поведения и отношения к иноверцам, автор считал восхваление чужой веры равнозначным богохульству и впадению в ересь. Феодосий Печерский, как выразитель

ортодоксальных взглядов, проповедовал необходимость воздержания православных от необоснованного общения с иноверцами, вступления с ними в брачные отношения, бытовых контактов и общих трапез, но в то же время призывал не отказываться нуждающимся в пище [3, с.192].

В поучениях Феодосия Печерского, как и во многих других произведениях древнерусской религиозной письменности, наряду с обоснованием догматических и культовых преимуществ православия и обличением других религий подчеркивалась необходимость проявления милости и уважения ко всем иноверцам. Например, Феодосий Печерский в своем нравоучительном воззвании говорил: «Ты, чадо, непрестанно хвали свою веру и подвизайся в ней добрыми делами. Будь милостив не только к своим христианам, но и к чужим; если увидишь кого-либо нагим, или голодным, или подвергшимся бедствию, будет ли то еретик или латинянин, – всякого помилуй и избавь от беды, как можешь, и ты не погресишь пред Богом, который питает и православных христиан, и неправославных, и даже язычников и о всех печется» [3, с.192]. Рассуждения о несовершенстве католической веры и заблуждениях латинян также отражены в посланиях князьям митрополита Никифора, обличительных сочинениях митрополита Георгия и Максима Грека.

Как отмечал митрополит Макарий, отношение православия к католикам постоянно характеризовалось открытой негативностью, поскольку бремя стереотипов определило взгляд на католиков как вероотступников, раскольников и еретиков, которым приписывали множество надуманных грехов и за которыми закрепились самые уничижительные эпитеты (*поганая латына, безбожная латына, проклятая латына*) [4, с.180–181]. Неприязнь православных к католикам восходит к временам византийской культуры, отличавшейся чрезмерным консерватизмом и изоляционизмом. В то же время отношение православной церкви к протестантизму определялось совершенно иными мотивами по сравнению с католицизмом. Церковное окружение никогда не видело в протестантизме угрозы для ассимиляции православной культуры и трансформации религиозного сознания русского народа, и это во многом объясняется его значительными догматическими и культовыми различиями с православием [5, с.350].

1. Колесов, В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В. В. Колесов. – СПб.: СПбГУ, 2000. – 326 с.

2. *Макарий*. История русской церкви / Макарий. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1994. – Кн. 1. – 408 с.
3. *Макарий*. История русской церкви / Макарий. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1995. – Кн. 2. – 704 с.
4. *Макарий*. История русской церкви / Макарий. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1996. – Кн. 4 (2). – 440 с.
5. *Макарий*. История русской церкви / Макарий. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1997. – Кн. 8 (2). – 800 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ